

МАРК АВРЕЛИЙ

Лучший способ оборониться от обиды – это
не уподобляться обидчику

Люди будут делать одно и то же,
как ты не бейся

Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит
за движениями своей собственной души

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Популярная философия с иллюстрациями

Марк Аврелий Антонин

**Наедине с собой с
комментариями и иллюстрациями**

«Издательство АСТ»

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Антонин М.

Наедине с собой с комментариями и иллюстрациями /
М. Антонин — «Издательство АСТ», — (Популярная философия
с иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-086494-2

Современники называли Марка Аврелия праведником на троне, равного которому еще не было. Император был преисполнен глубочайшей любви к людям, смирения, доброты и великодушия. Несмотря на то что ему приходилось быть всегда на виду, вести государственные дела, участвовать в военных походах, он часто искал уединения, находя его внутри себя. Так родилась книга размышлений «Наедине с собой», которую он писал всю жизнь. Это история его души: рассуждения, отдельные мысли, советы потомкам. Попытка разобраться в себе, в сущности человеческой жизни. До сих пор темы добра и зла, смысла бытия и неизбежности смерти, поведения людей и их отношений, затронутые в книге, остаются актуальными, а интерес читателя к этому памятнику литературы Древнего Рима – неизменным. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-086494-2

© Антонин М.
© Издательство АСТ

Содержание

Великая душа на троне	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Марк Аврелий Наедине с собой:

с комментариями и объяснениями

В оформлении книги использованы иллюстрации из архива Shutterstock

Составление, комментарии *Эльвиры Вашкевич*

Предисловие *Александра Маркова*

Перевод с древнегреческого *Семена Роговина*

© Э. Вашкевич, составление, комментарии, 2020

© А. Марков, предисловие, 2021

© Издательство АСТ, 2021

Великая душа на троне

Философ на троне всегда вызывает подозрение: то ли человек с высоты своей власти решил еще учить других, как себя вести и как думать о лучшем, то ли он свои увлечения наукой и философией распространяет на всех, требуя от подданных ему подражать и все время о нем помнить. Философ на троне больше кажется позой, пусть эффектной, но как будто не очень серьезной: кажется, что при следующем императоре не то, что забудут и философию, и добродетели прежнего, но заменят на что-то новое, на воинскую доблесть или на щедрость. Император для нас – прежде всего, практик, и даже если мы читаем сочинения Фридриха Великого или Наполеона Бонапарта, то больше думаем о том, как они изменили культуру, чем насколько качественно и проницательно им удавалось мыслить.

Но среди императоров-философов Марк Аврелий занимает особое место. Прежде всего, он писал не просто для себя, а только для себя, писал не на латыни, а по-гречески, и собрание его записок принято называть «Наедине с собой». Выбор языка – это и дань учителям, очным и заочным, мысль которых коренится в грекоязычной философской традиции: писать по-гречески для императора означало общаться не только с живыми, но и с умершими. Как писал по сходному поводу Пушкин: «Друзья мне – мертвецы, / Парнасские жрецы», воспевая тех, кто живет «над полкою престою», продолжает разговаривать и шутить. Греческая философия не была переведена на латынь; даже великий Цицерон, боготворивший великого Платона, перевел только часть диалога «Тимей». Поэтому о самом душевном, самом существенном нужно было говорить с покойными философами по-гречески, даже если большинство очных учителей Марка Аврелия были латиноязычными.

Марк Аврелий – стоик, и что такое стоическая философия, стоит напомнить, тем более что в последние годы она вновь во всем мире входит в моду. В эллинистически-римском мире широкое распространение получили две философии – стоическая и эпикурейская. Конечно, всегда существовали и последователи Платона, и почитатели Аристотеля, но их знание было слишком специальным, чем-то вроде знания, сосредоточенного в современных лабораториях, поневоле закрытых: публика наслышана в пересказах о достижениях современной космологии или ядерной физики, но это именно пересказы, а по-настоящему понять, как современная физика изучает устройство Вселенной, можно только непосредственно придя в лабораторию и познакомившись с приборами и регламентом работы. Так же точно было и во времена Римской Империи, по крайней мере, до появления неоплатонизма, соединившего традиции Афин и Александрии: чтобы стать платоником, надо было выучить греческий язык, поехать в Афины и учиться там непосредственно у платоников, по книгам ты не станешь платоником примерно по тем же причинам, почему по книгам Стивена Хокинга не станешь физиком, а по книге «Как стать миллиардером» не станешь даже миллионером. А вот стоицизм и эпикурейство распространились везде и стали источником некоторых общих представлений образованных людей о мире.

Стоицизм и эпикурейство можно сопоставить с современной популярной психологией вообще с жизненными рекомендациями: мы в быту можем употреблять выражения вроде «я нервничаю», «у него это комплексы», «невротическая обстановка», «правильно расставленные приоритеты», призывать смотреть на вещи проще и принимать людей такими, какие они есть. При этом мы могли не читать ни профессиональных психологических книг, ни даже популярных, не ходить на тренинги, просто эти идеи носятся в воздухе и помогают людям как-то ориентироваться в усложняющемся мире. Так же было и в эпоху эллинизма и Рима: мир расширился, на место старых государств пришли новые империи, правила и передвижения, и торговли, и взаимодействия с соседями стали совсем другими, во многом непредсказуемыми.

Стоическая философия помогла преодолеть «фрустрацию»¹ и «когнитивный диссонанс»², как бы мы сказали на современном психологическом языке, позволяя начинающим вписаться в жизнь Римской империи и действовать в ней.

Стоики и эпикурейцы предложили противоположные решения, как встретиться с современностью и не спастись перед ней. Эпикур и его последователи резко развели общественную жизнь и частную: в общественной жизни нужно действовать в соответствии с готовыми правилами, относиться к ней формально, тогда как в частной только и можно получить настоящие наслаждения и обрести реальный смысл жизни. Конечно, на работе надо быть добросовестным, но там же ты действуешь не по своим правилам, а следуя общим установкам (опять слова из сферы психологии). Дома же ты чувствуешь себя свободно, тебя многое радует: и полка с любимыми вещами, и любимая лепешка на завтрак, и чистые полы, и такая удобная мебель. Поэт Гораций и его покровитель Мecenат в Риме были эпикурейцами, потому что им требовалось быть поэтически вдохновенными среди простых наслаждений, лесов и полей, не меньше чем в большом городе – с тех пор поэты любят сельскую жизнь. Часто слово «эпикурейство» употребляется в уничижительном смысле: хотя среди последователей этого учения в новое время были выдающиеся люди, например, француз Пьер Гассенди или даже отчасти Вольтер, иногда считают, что эпикурейцы были просто гедонистами, для которых наслаждаться важнее, чем думать и вести общественную деятельность. На самом деле учение Эпикура состоит в другом: умей правильно распорядиться своей частной жизнью, будь умерен и аккуратен, добросовестен и доброжелателен, а общественная жизнь приложится. Согласитесь, что мы можем представить эпикурейцем мелкого чиновника или военачальника в отставке, но никак не действующего императора, который всегда на виду – а ведь Эпикур призывал «проживи жизнь незаметно».

Стоицизм настаивал на противоположном: человек – общественное животное, человек появляется как реальность тогда, когда он живет среди других людей. Конечно, стоики тоже любили уединение, как и всякие философы, размышляли и вели неспешные беседы. Но само слово «стоя» обозначало общественное здание в Афинах, Пеструю стоя, расписанную философом Полигнотом, где около 300 года до н. э. Зенон Китийский стал собирать учеников. Стоя была местом торговли и собраний, потом по ее образцу в Римской империи стали строиться базилики, где устраивались встречи, сделки, проходила торговля, разворачивались дискуссии и даже философские тренинги. Эти базилики потом превратились в христианские церкви. Можно считать, что Пестрая стоя была чем-то вроде Дома культуры или нынешних многофункциональных комплексов, но сейчас нам не так важно, как учил Зенон, сколько почему учение стоиков просуществовало много веков. Так, хотя стоицизм и христианство были смертельными врагами, смертельными иногда в буквальном смысле – учитель Марка Аврелия Юний Рустик осудил на смерть христианина Иустина Философа – христианская аскетика взяла из стоицизма некоторые базовые термины, например, «страсти», «воздержанность», «бесстрастие», «блюдение себя» (контроль над собой), встроив эту стоическую систему в новую реальность духа. Образ мудреца, который достигает бесстрастия, не реагирует на страсти, соблазны и искушения и тем самым достигает высот духовного развития, просто перестал в христианстве быть достоянием избранных, тех же высших римских чиновников, теперь любой крестьянин мог упражняться в бесстрастии.

Если излагать философию стоицизма совсем кратко, то она основана на одной простой предпосылке: все в мире – наши действия и наши мысли, даже самые малые – имеют свои неотменимые последствия. В чем-то это стоическое учение используют и нынешние тренеры

¹ От лат. *frustratio* (обман, расстройство) – психическое состояние человека, вызванное непреодолимыми трудностями, переживание неудовлетворенной потребности. – Прим. ред.

² Психическое состояние, при котором человек испытывает внутренние противоречия. – Прим. ред.

личностного роста, когда говорят «мысль материальна», «не волнуйся и не представляй худшего, это тебе же бумерангом вернется», это просто разбавленный и опошленный стоицизм. Основатель стоицизма, упомянутый Зенон, считал, что весь мир – живой организм, одушевляемый «пневмой», дыханием, какой-то душой мира. Поэтому наши мысли оказываются столь же роковыми, сколь и наши действия, мы можем в любой момент навредить всему миру. Этот принцип мы сейчас знаем как «бабочку Брэдли»: сделав что-то плохое даже самому малому существу, мы можем вызвать неотвратимые губительные последствия. Тогда это было настоящей революцией в философии: Платон и Аристотель руководствовались своим политическим опытом, отдельными уроками истории, и, хотя некоторая мысль о всемирной истории у них была, событие у них происходит прежде всего здесь и сейчас, а потом уже просчитываются его последствия. Тогда как Зенон Китийский считал себя космополитом и не проводил границы между природой и государством: все, что происходит на земле, касается сразу всех.

Что нужно сделать, чтобы не причинять вред или хотя бы его уменьшить? Прежде всего, следует перестать бояться смерти. Эпикур тоже считал, что бояться смерти не надо, но предлагал просто отвлечься от нее и жить настоящим, потому что в настоящем пока смерти нет; иначе говоря, обращался к частному воображению. А для стоиков даже воображение было только общественным: мы все вместе должны научиться не бояться смерти, потому что иначе мы все вместе совершаем неразумные поступки – замыкаемся в себе, жадничаем, распутничаем. Кто-то от страха перед смертью превращается в потребителя, кто-то предается развлечениям, а кто-то начинает ненавидеть всех людей. Мы, говорят стоики, не сразу замечаем, как эти дурные качества проявляются, нам кажется, что мы ведем себя по-прежнему «нормально», но на самом деле мы уже кого-то обидели, а кого-то и ограбили. Поэтому нужно вместе не бояться смерти, следить за собой, избавиться вообще от всех страхов, кроме страхов перед реальными опасностями, и тогда государство, общество и природа (стоики не различали, в отличие от нас, этих трех реальностей) станут счастливыми.

Настоящий стоик, например, крупный политик или полководец, является «мужем» (*vir*) и проявляет во всем «мужество» (*virtus*). Это последнее латинское слово трудно перевести на русский: его переводят и как «добродетель», и как «доблесть», и как «мужество», а можно перевести, вспоминая прилагательное от него, и как «виртуозность». Можно обозначить это так: это не временный порыв, как звучит в нашем «мужестве» или «доблести», это выработанное человеком в себе состояние, которое и позволяет ему быть государственным мужем, предводителем, спасителем отечества, масштабно мыслящим политиком. Это «мужество» требует ясных решений, терпения, железной воли, и надо заметить, оно обычно немилосердно. Еще с точки зрения Аристотеля, «страх» и «сострадание» в трагедии – это нежелательные «страсти», которые надо преодолеть «катарсисом», и тем более стоики ненавидят не только страх, но и сострадание. Мужественный человек, конечно, должен быть щедрым, как солнце светить на всех и помогать всем, думать об общем благе, – но проникаться чувством, испытывать к кому-то слабость, кого-то спасать, забыв о других – это не для стоиков, это для христиан. Поэтому, скорее всего, стоики так не любили христиан – они казались им плаксами, ненадежными людьми, потенциальными предателями. Когда римские императоры, и среди них, к несчастью, и Марк Аврелий, обрушивали гонения на христиан, то жертвами гонений становились высокопоставленные люди – например, живший несколькими поколениями позже Диоклетиан казнил Георгия Победоносца и Димитрия Солунского, высших офицеров, командующих округами, боясь, что из-за склонности к милосердию и состраданию христиане могут струсить в ответственный момент на поле боя.

Когда мы говорим, что стоический философ – это государственный деятель, причем государственный деятель высшего ранга, здесь нужно два уточнения. Во-первых, стоик остается таким и в отставке – высший чиновник может попасть в опалу, но и в тесной камере или в ссылке он будет столь же доблестным, столь же властным над собой и над своими чувствами

и столь же способный управлять реальностью и добиваться своего, как и на вершине власти и почестей. Он и на снегу разобьет сад, и деревню превратит в строгую столицу. Во-вторых, мы очень часто неверно понимаем саму античную философию, считая всех философов борода-тыми чудачками из учебника, которые рассуждали о каких-то причудливых и далеких от жизни вещах. На самом деле все они были политиками, изобретавшими новые формы государственной жизни: например, Фалес, учивший, что все в мире произошло от воды, был предпринимателем и государственным деятелем, думавшим о какой-то протоимперии на базе греческих колоний в Малой Азии, для чего, конечно, надо было дружить с морем, развивать морскую торговлю, предсказывать погоду и урожай и заключать сделки. «Все произошло из воды» – это формула практического развития метеорологии, сельского хозяйства и военно-морской политики, а не просто наблюдения сидящего под оливой человека. Вообще, биографии очень часто упрощают дело: мы представляем себе Ньютона, на которого падает яблоко, а что Ньютон был научным бюрократом, писавшим множество писем, и что его бы не осенило, не будь он тесно вовлечен во все мировые научные дискуссии и упорное сотрудничество с десятками ученых, мы не задумываемся. Так и античные философы и стоики здесь не исключение: уча, что настоящий философ счастлив и в шалаше, собрав ягоды и попив воду из ключа, они мыслили об этих ягодах и воде не меньше, чем о Средиземном море и блистательных зданиях Рима.

Но стоицизм, как философия, не стоял на месте, и различий между Зеноном и Марком Аврелием не меньше, чем между Фалесом и Платоном, и даже больше, учитывая, что и временной отрезок между первыми в три раза больше. Если излагать совсем просто, древняя Стоя была такой образцовой философией природы, из которой выводилась философия человека, государства и общества, это была замкнутая система с очень суровыми требованиями к адептам. Стоик действительно должен был научиться быть прозрачен в своих помыслах как ручей и строг как звездный небосвод. Ты не стоик, пока не научился управлять собой со строгостью механизмов и ясностью раз и навсегда избранного самой природой пути. Такой стоик, не знаю, возможен ли в наши дни: наши веганы или дауншифтеры, поселившиеся на хуторе, уж слишком жизнелюбивы для этого первого стоицизма.

Со временем, к I веку до н. э., возникла Средняя стоя, уже не такая суровая, и можно сказать, более политизированная. Эти стоики включили в канон не только основателей своей школы, но и Платона, для которого мысль об обществе была главной, а мысль о природе – второстепенной. Платон, аристократ и монархист, стремился даже к некоторому переустройству природы по образцу правильно устроенного общества – этому посвящен его самый большой диалог «Государство», где он хочет показать, каким образом разумно устроенное государство будет менять мироздание как таковое, река становится чем-то другим, если она протекает через разумное государство. Платона многие винили и до сих пор винят в утопизме, технократизме, даже диктаторских замашках, но без Платона мы бы никогда не догадались, что к природе не надо относиться завороченно, что можно не только подчиняться природе и приносить ей жертвы как миру богов, но можно подражать природе, создавать культуру как новую искусственную природу. Можно сказать, Платон – и создатель, и первый философ культуры, и средняя Стоя, обратившись к Платону, стала более «политической» и «культурной».

Один из этих «средних» стоиков, Посидоний, и переехал в Рим, и у него лично учился Марк Туллий Цицерон. С тех пор такой стоицизм, смешанный с платонизмом, и стал римской философией: авторитет Цицерона был непререкаем, но еще существеннее было то, что в Риме стоики и нашли настоящее поле деятельности, где они смогли разнообразить и свои темы, и свой образ жизни. Пока стоицизм был в греческих землях, эти философы просто в частном порядке учили, как жить, а в Риме они стали показывать, как по-разному можно жить, как разными путями можно приходиться к одним и тем же выводам. Так образовались Поздняя стоя и три ее столпа в Риме – люди трех разных поколений и совсем разных занятий. Воспитатель Нерона, моралист и драматург Сенека (4 до н. э. – 65) – типичный придворный педагог, про-

свещенный человек, умеющий учить сложным моральным вещам как будто ненароком. Эпиктет (ок. 50–138), раб, при этом блистательный оратор – тоже типичный self-made, предтеча всех будущих предпринимателей и политиков, вышедших из низов, сохранивших скромность и самодисциплину на вершине успеха. Наконец, Марк Аврелий (121–180), император, терпеливый полководец и мужественный реформатор – прототип всех, кто хочет не разрывать теорию и практику и, давая другим мудрые советы, самому действовать согласно этим советам. Такой человек может быть скромным тружеником, и на своем месте скромного труженика объединять теорию и практику, и если он станет властителем, он не изменит своим привычкам – как раньше была хорошо убрана и обустроена его комната, так станет обустроена и вся страна. Он может допустить роковые ошибки, но никогда не отречется от мужества.

Чтобы понять Марка Аврелия, надлежит, прежде всего, рассмотреть великое учение о Четырех Кардинальных (*от лат. cardo* – ось, дверная петля) Добродетелях, восходящее к Платону и постоянно дорабатывавшееся стоиками, а потом и христианскими богословами. Это Мудрость (Prudentia), Умеренность (Temperantia), Смелость (Fortitudo) и Справедливость (Justitia). Все эти четыре слова мы часто понимаем неточно, в сглаженном, бытовом смысле. Мудрость – это не просто умение давать хорошие советы, это чистая жизнь, не больше не меньше. Не обязательно она указывает на физическое девство, все же большинство стоиков и христиан девственниками не были, но всегда означает такие вещи, как умение легко переносить невзгоды, в том числе расставания или встречи с неприятными людьми, как умение радоваться даже простым вещам и удивляться, способность увлекаться, но не попадать в плен к этим увлечениям – те качества, которыми мы характеризуем «легкого в общении» или «вдохновляющего» человека, человека, который, например, добросовестно работает, так что и все вокруг начинают столь же старательно работать в своих областях. В этом смысле Марк Аврелий был очень мудрым, и историки это объясняют по-разному. Никколо Макиавелли в эпоху Возрождения считал, что это потому, что Марк Аврелий получил престол не по наследству, но путем усыновления, поэтому не был избалован с детства: он был усыновлен, причем дважды, сначала после смерти его отца Марка Анния Вера – Публием Катилием Севером, а потом после смерти и приемного отца – предшествующим императором Антонином Пием, то есть Антонином Благочестивым (или Почтительным). Этим Марк Аврелий отличался от своего сына Коммода, не мужественного, а трусливого, который сразу остановил все войны, что вел отец, чтобы понравиться народу, но краткая прибавка денег в казне не спасла империю от позора и разорения. Трусливый человек, у которого нет *virtus*, опирается на переменчивую толпу, а мужественный человек – на свою удачу, так объяснял Макиавелли. А историк Эдуард Гиббон считал, что во времена Марка Аврелия империя процветала, потому что каждый был занят своим делом, и император знал, что и когда надо делать, и подчиненные не отлынивали от обязанностей. А как только император-философ умер, начались опять злоупотребления и интриги, которые и сгубили государство. Мы сейчас не будем разбирать, точен или нет Гиббон, а лишь скажем, что он разобрался в том, что такое государственная мудрость.

Умеренность у нас тоже иногда понимают не очень верно, просто как скромность, или уменьшенные потребности, или даже какую-то совсем не героическую застенчивость. Но на самом деле это умение планировать и умение терпеть, то, что сейчас считается главным достоинством делового человека: правильно рассчитать, как будет вести себя рынок, какие-то действия предпринять сразу, а какие-то отложить на потом, верно расписать свой ежедневник, назначить именно эти встречи как самые важные, а другие отложить на потом, даже если очень хочется встретиться. Марк Аврелий отличался умеренностью по одной простой причине: империя тогда воевала на несколько фронтов. В Азию вторглись парфяне; маркоманы, древнее германское племя, форсировали Дунай и захватили потом чуть ли не половину северной Италии; в Египте происходили восстания, да и в западной части страны было не все спокойно. Как выступить в поход, куда перебросить войска и отправиться самому, с кем начать переговоры? –

этими вопросами мучился император весь срок своего правления и, судя по всему, писал свою книгу в краткие перерывы между боями в палатке, ожидая очередного вторжения.

Смелость – это не просто умение быстро совершить какой-то мужественный поступок, это еще и проявление упорства. Так, в этой системе «смельчаком» будет назван, например, отличник или чемпион, не боящийся брать книги или штангу в руки как можно чаще, в перерывах и во время основной тренировки. Смелыми будут названы землекоп или лесоруб, вовремя пришедшие на помощь товарищу и при этом выполнившие всю работу. Это вовсе не то туповатое трудолюбие, которое мы знаем в нашем быту, когда человек просто трудится без перерыва, ни о чем не думая, это скорее целеустремленность бегуна на марафоне или туриста, или актера – непременно в этот вечер надо отличиться, надо особым образом приобщиться к культуре, в том числе культуре своего тела. Марк Аврелий был, конечно, смел, и не только в походах и государственных делах, но и в реформе образования. Он создал систему поддержки сирот, чтобы они учились, и он же открыл в Афинах что-то вроде университета. В этом университете преподавали только философию, раз она все равно включала в себя все остальные науки, от физики до этики, и было в нем четыре кафедры: платоническая, аристотелическая, стоическая и эпикурейская. Каждый мог выбрать себе философию по вкусу и, получив образование, понять, кого из слабых и незащищенных нужно поддерживать. В этом и состоит смелость – не использовать философию трусливо только ради своей выгоды, для прославления своего правления, но сделать так, чтобы открытая философская дискуссия помогала отстаивать права тех людей, кого не успели защитить раньше.

Наконец, справедливость, или правосудие – это умение создавать универсальные законы, пригодные для всего мира, судить так, чтобы радовались не только оправданные, но и весь мир, все зрители. Марк Аврелий уделял огромное внимание систематизации права, чтобы законы бодрствовали и чтобы даже самые старинные правила стали звучать современно. Его ценили как правоведа и ревнители старых обычаев, и молодые чиновники. Таким образом, убедившись в добродетельности нашего героя, перейдем к его философии.

Прежде всего Марк Аврелий учит быть верным себе или, как сказал бы Пушкин, «читать самого себя»: вслед за английским поэтом Р. Саути Пушкин считал, что именно к этому призывают пенаты, домашние боги, олицетворяющие совесть, разговор с собой, вообще внутренний опыт. На призыв «Познай себя», с которым дельфийский оракул обратился к Сократу, Марк Аврелий ответил требованием уважать себя, чтить себя, постоянно быть в мире с собой. Это не просто означает блюсти свое достоинство и не совершать поступков, за которые потом будет стыдно. Это требование следить за моментом, думать о настоящем, но не в смысле «наслаждаться настоящим», зная, что всех ждет смерть, как учили эпикурейцы, а в смысле, что только в настоящем ты понимаешь, что ты себя не обманываешь. Мы можем плохо помнить о себе в прошлом, преувеличивая свои былые заслуги и забывая о позорных поступках и случаях, мы можем воображать о себе в будущем неведь что, не понимая, что будущее не в наших руках. И только в настоящем мы такие, какие есть, измеренные собственной мерой, где на виду наши достижения и наши промахи – мы прямо сейчас промахнулись. А не промахнулись – то пусть мы и не победили смерть, которая нас все равно настигнет, но по крайней мере потягались с ней, никогда не промахивающейся. Как это далеко от христианства, где Христос – победитель смерти, но при этом как это близко нравственности и Сократа, и Христа – ведь слово «грех» в христианстве и означает «промах», «ошибку», причем поработавшую и ведущую к смерти.

Как и все стоики, Марк Аврелий настаивает на «апатии», «бесстрастии». Мы привыкли в бытовой речи понимать апатию как равнодушие и даже лень. Но апатия Марка Аврелия – бодрая и трезвая, это, можно сказать, умение не отвлекаться, когда делаешь дело, умение схватывать на лету новые знания, умение доставать из глубин своего сердца настоящее сокровище. Любая страсть, даже самая невинная, не просто отвлекает от самого важного, она травмирует; так переставший следить за дорогой пешеход может упасть в яму, или невнимательный охотник

– подстрелить другого охотника. Поэтому Марк Аврелий призывает нас к особой бодрости: не отвлекаться на почести, на славу, на мнимое богатство, потому что это вещи «преходящие» в самом прямом смысле. Дело не в том, что ты можешь завтра разориться или оказаться бесславным, а значит, можешь пользоваться богатством и славой только сегодня – гораздо важнее, что уже сегодня, отвлекаясь на богатство или почести, ты употребляешь все эти вещи неправильно, во вред им и себе. Ты думаешь, что получил выгоду – но эта выгода тебя сковала по рукам и ногам. Ты думаешь, что достиг власти – но обязанностей у тебя стало много, и ты уже не властен ни над дневным, ни над ночным временем. Поэтому «апатия» – единственный способ сохранить себя и свое достоинство на вершинах власти, просто принимая правильные и полезные всем решения по ситуации.

Но если «апатия» и борьба со страстями – это то, что Марк Аврелий разделяет со всеми стоиками и даже со всеми благочестивыми христианами, которых сам лично явно не любил, то есть в его философии есть пункты, которые отличают только его. Прежде всего это толерантность, терпимость ко всем разным неприятным чертам своих собеседников. Да, конечно, кто-то из них неумен, потому что слишком поспешен, торопится прежде, чем успеет подумать. Но он, как больной в горячке, на больных не обижаются; надо просто показать ему, что можно не торопиться, что немного задуматься и оглядеться – гораздо приятнее. Здесь Марк Аврелий идет дальше Сократа – Сократ предлагал невежественным людям приобрести знание, и тем самым понять наслаждение долга, должно выполнения всех своих обязанностей, включая обязанности собеседника и советчика. А император утверждает, что просто терпимость к этим людям может их образумить, не обязательно людям что-то объяснять, можно просто показать пример сдержанности и действовать так, чтобы и в государственных делах было больше сдержанности и солидности, а не скороспелых решений.

Или другой человек завистлив. Нужно не просто объяснять ему, что завидовать нехорошо и бесплодно, надлежит показать, что зависть делает человека неуживчивым. А неуживчивый человек постыдно себя ведет не в отдельных поступках, а во всем, во всех своих словах и жестах, везде сквозит сварливость и высокомерие. Поэтому надо не приводить отдельные разумные доводы против зависти, но ясно увидеть, что завистливый человек разрушает собственное настоящее, а значит, становится не просто невежественным, но постыдно невежественным, он даже не видит того, что у него под носом. При всей афористичности Марк Аврелий разбирает с большой тщательностью взаимосвязь между пороками, как за одними пороками неизбежно следуют другие, примерно так, как потом будут делать христианские аскетические писатели, например, Авва Дорофей и Иоанн Лествичник. Только христиане исходили из того, какие поступки и мысли мерзки пред Богом, а Марк Аврелий, благочестивый, но маловерующий – из того, какие из поступков мерзки самому человеку, оскверняют его и лишают собственного настоящего, и как человек наносит оскорбление не Богу, а самому себе.

Важнейшее открытие Марка Аврелия – новое понимание свободы воли. Обычно античная философия понимала свободу прежде всего как возможность распоряжаться имуществом, в том числе своим телом, противопоставляя свободу рабству. Так, Аристотель считал, что раб не умеет дружить, потому что дружба подразумевает самопожертвование и знание, что друг может пожертвовать ради тебя. Иначе говоря, дружба имеет религиозный смысл, она спасает тебя от смерти, утверждает в жизни и в конце концов в вечности. А как раб может жертвовать собой, если у него нет ничего своего? Марк Аврелий, как и его современники-христиане, утверждал равенство всех людей, уверяя, что и рабы тоже могут стать благородными философами. Поистине, Марк Аврелий должен быть во всемирной галерее борцов за равенство, и свободу он стал понимать иначе, как разумный выбор. Даже последний раб может выбрать добро, а не зло, а значит, весьма скоро научиться и любить, и дружить, и жертвовать собой, и поступать так благородно, как не умел до этого никто из хозяев.

Дело в том, что Марк Аврелий стал по-новому понимать ум, как «предводительствующее» начало души. Конечно, еще Платон, будучи аристократом, монархистом и сторонником социальной пирамиды, открыл эту роль ума и чуть ли не первый стал утверждать, что мы думаем головой – Гомер считал, что мы думаем грудью, а головой воспринимаем окружающий мир. Но для Марка Аврелия, достигшего высшей власти, способность головы мыслить – это не очередной довод в пользу монархии, а подтверждение свободной проницательности ума. Глаз видит то, что попадает в поле зрения, а ум может уноситься далеко, к пределам вселенной и даже судьбам богов. Глаз замечает привлекательное, а ум сам умеет к себе привлечь то, что требуется для работы мысли. Ум в понимании Марка Аврелия – это скорее распорядитель, управляющий, как бы мы сказали, талантливейший менеджер, а не высоко воссевший монарх.

Дело в том, что между Платоном и Марком Аврелием лежит традиция аллегорического понимания мифов. Так, например, любвеобилие Зевса, которое очень раздражало Платона, можно было толковать как желание ума выучить много самых разных наук – платоновское сближение ума с монархом и верховным божеством стало работать против войны Платона с мифологией и искусством. Аллегорическое, иносказательное понимание вещей приносило мир туда, где прежде шла интеллектуальная война. Аллегии любили и платоники, и стоики, благодаря им можно было, опираясь уже на принесенные культурой знания о мире и человеке, научить мирной жизни и человечности, не обостряя конфликт между несовместимыми познавательными программами. Марк Аврелий идет еще дальше: он утверждает, что сам наш разум, выбирая добро или зло, создает свои мифы и их толкования. Только если мы выбираем добро, этот выбор, это толкование, эти образы прекрасны, а если выбираем зло – они нелепы и угнетающи, они пугают просто своей неуместностью.

С этим связана и мысль Марка Аврелия об истории. Ранние стоики разделяли трагическое представление о «воспламенении», мировом пожаре, который регулярно истребляет все мироздание, включая богов (как Рагнарёк в скандинавской мифологии), так что человечество всякий раз возникает заново и начинает строить цивилизацию заново. Мысль о мировом пожаре отвечала начальным представлениям об истории, которая поддерживается только нашим ограниченным знанием, а так является областью, где роковые закономерности постоянно берут свою власть. Поздние стоики, как Марк Аврелий, уже почти не верили в это воспламенение, по одной простой причине – боги для них разумны, и если уж они мстят людям или по крайней мере равнодушно смотрят, как огонь мстит людям, то с каким-то разумным расчетом. Но для богов разумнее сохранить человечество, чтобы люди исправлись, здесь Марк Аврелий близок другим авторам, таким как Плутарх, который в трактате «Почему божество медлит с воздаянием» объяснял, что из собственных страданий человек мало что может вынести, разве что лишний раз обозлится на все вокруг. А вот из упадка следующих поколений, рассуждал Плутарх, из того, что мы в подметки не годимся нашим отцам, как наши дети не будут годиться в подметки нам, мы понимаем, в чем мы ошиблись, исправляемся и поневоле продлеваем существование нашего мира. Об этом же писал и Гораций, что мир мельчает с каждым веком, но в этом он тоже находил надежду, что по крайней мере нас будут помнить, и память, и история как-то свяжут мир и спасут его от окончательного истребления, во всяком случае, его, Горация, памятливые стихи будут помнить и через множество поколений. Марк Аврелий не был поэтом как Гораций, не был домашним моралистом как Плутарх, но он выразил те же мысли гораздо лучше: раз мы имеем ум, а ум способен соглашаться, одобрять, благословлять, радоваться чему-то, то значит, он может согласиться с мировым Умом, с неким замыслом о мире, и тем самым спасти себя и мир, соединить все вещи цепью сравнений, соответствий и ассоциативных воспоминаний. Трудно сказать, верил ли Марк Аврелий в богов и мог бы он поверить в Бога, но можно сказать, что он наилучшим образом понимал ум. Для нас одобрять, благословлять, радоваться – это часто что-то подозрительное; давно уже принято считать, что настоящий ум в основном критикует и осуждает, а помните, – взрослые в

сказке Андерсена, наоборот, стали одобрять Кая как не по годам развитого мальчика, когда льдинка попала ему в сердце и он стал все ломать и над всем насмехаться? Для Марка Аврелия ум критикующий довольно глуп, потому что капризен; в противовес ему настоящий ум умеет радоваться чужим успехам, поддерживать, подбадривать, в конце концов, просто видеть суть вещей, которая вовсе не капризна.

Марк Аврелий умер от чумы на Дунае, в Виндобоне, нынешней Вене, и город Штрауса и Фрейда помнит великого философа как первого своего знаменитого обитателя. За несколько лет до этого дунайского похода была создана бронзовая статуя императора, единственная римская конная статуя, дошедшая до наших дней и ставшая образцом для всех памятников подобного рода. Образ императора-философа в европейской культуре неотделим от этой статуи: пронизательный взгляд, успокаивающий жест руки, смелость и при этом оттенок какой-то нежности, которого не было у прежних государей Рима – все это поражает воображение. Как писал в XIX веке французский историк Э. Ренан, явно глядя и на эту статую: «Книга Марка Аврелия не имеет никакой догматической основы и потому вечно будет свежа. В ней могут найти поучение все, начиная от атеиста или воображающего себя таковым, до человека, всего более преданного особым верованиям любого культа. Это самая чисто человеческая книга из всех существующих».

В России Марка Аврелия всегда любили. Для Просвещения XVIII века Марк Аврелий – милосердный государь, отказывающийся казнить врагов, не торопящийся с возмездием, украшающий Рим новыми зданиями и исправляющий законы. Для мистиков, масонов и пиетистов александровской эпохи – пример самоуглубления, доказательство того, что даже на высоких должностях надо заниматься благочестивыми размышлениями, удаляться во внутреннюю келью своей души. Для декабристов – один из стойков, пример того, как человек может всеобщие законы поставить выше личной воли, республиканец в личине самодержца. Для Пушкина и Гоголя – доказательство, что государь может в любой момент стать милостивым и на радости такой, как царь Салтан, отпустить всех трех домой. Для Тургенева и Толстого – скептик, понимающий, что люди разных сословий и разного воспитания могут разделять одни и те же заблуждения. Для деятелей Серебряного века, например, для Мережковского – смиренный предтеча христианства, хотя и не разобравшийся в новой вере, но подготовивший ее историческое торжество. Наконец, в наши дни Марк Аврелий – это скорее всего человек, с которым приятно размышлять вместе, который отучает от амбициозности и приучает к вниманию. Как иронически написал поэт Алексей Цветков (старший): «Император Марк Аврелий / В тонкой плесени чернил / Паче Нобелевских премий / Мысли умные ценил». Конечно, император Марк Аврелий нашел бы что сказать и про премии, и про чернила, а не только про умные мысли, но как первое приближение к делу этого государя – сказано хорошо. Но вообще Марк Аврелий для русской литературы – философ совести: в «Воспоминании» Александра Пушкина или «Старых эстонках» Иннокентия Анненского мы находим прямые интонации этого мыслителя, который одним из первых стал говорить не только о голосе совести, но и о ее муках; хотя и называл это «суетой», но понятно, что речь идет об особом состоянии души.

Осталось сделать одно небольшое предупреждение: Марк Аврелий много пишет о счастье. Но нельзя вычитывать рецепты счастливой жизни по отдельности, забывая о том благородстве ума, которое только и может объяснить, что такое счастье. Мы не поймем из формул этой книги, как стать счастливыми, но стоит нам помочь донести сумки соседу, решить спор между еще двумя соседями, убрать комнату или выполнить на работе все запланированное на день, как мы приблизимся к тем урокам счастья, которые дает Марк Аврелий. Вдруг эти наши повседневные дела засияют тем счастьем, которое вложил полководец-мыслитель в свое произведение, состоящее из двенадцати книг. Как сказал наш великий ученый С.С. Аверинцев: «Я совсем не похож на стойка, однако начну с одной констатации, которую Марк Аврелий, мне кажется, одобрил бы: для счастливой жизни нужно как можно меньше думать о счастье, воз-

держиваться от вопроса, счастлив ли я, не накликать вопросом отрицательных ответов, не коллекционировать таких ответов; нужно безусловно запретить себе измерять объем полученного счастья, искать недостатки, предъявлять всем и всему иски относительно недостатков и т. п. Никогда еще такое множество народа не было заражено привычкой думать о собственном существовании в категориях счастья; полно психоаналитиков и психотерапевтов, а депрессивные неврозы и психозы преизобилуют». А если не считать дела, то мы вдруг окажемся сами на хорошем счету у самых незаметных, но добрых дел.

В заглавии этого предисловия Марк Аврелий назван «великой душой». Это латинское выражение не надо понимать в узком смысле как «великодушие» в отдельных ситуациях, так называлось поведение римлянина, который масштабно мыслит и масштабно действует, готов реализовывать замыслы и при этом видит, какая от какого замысла польза. Можно сказать, что Марк Аврелий просто заново открыл и «пересобрал» это великодушие. И это не просто большие амбиции полководца, научившегося властвовать собой ради еще большего общественного успеха, а проницательность ума, который может воспарять до звезд, проходить по грани между жизнью и смертью и вдруг одарять пользой как сокровищем все человечество. Это уже не просто решительность, с которой начинают войну и заключают мир, это понимание того, что войны часто оказываются неудачными, и миротворчество тоже не всегда бывает удачным, но великий ум, учась на прежних ошибках, может стать мирным даже в самой немирной обстановке и научить людей блюсти правду. Наконец, это не просто гордость победителя-триумфатора, но внимание к себе человека, знающего цену триумфам. И именно поэтому настолько щедр, что его щедрости хватит на множество новых триумфов, в том числе и триумфов философии. Мы сейчас, открыв эту книгу, становимся участниками одного из таких триумфов. Да здравствует император-философ! Спасибо тонкой, спокойной и уединенной мысли владыки полумира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.